

ДАРЫ ГЕНРИХА II ОБЩИНЕ МОНАСТЫРЯ МОНТЕКАССИНО

На протяжении длительного времени практика дарения оказывала значительное влияние на отношения между светскими правителями и представителями церкви, сюзеренами и вассалами и т. п. Сущность рассматриваемого феномена заключается в том, что за внешней стороной добровольного подношения скрывается иной, более сложный, смысл. Принцип взаимности дара, заключенный еще в латинской формуле *do ut des* («даю тебе, чтобы ты дал»), выражался в том, что подарок всегда требовал ответного подарка, поскольку вещь, «даже оставленная дарителем, сохраняет в себе что-то от него самого. Через нее он обретает власть над получателем»¹. Таким образом, отношения проявляются не только в обязанности возмещать полученные дары, но и в необходимости непосредственно самому делать подарки, а также принимать их.

При дарении и отдаривании следовало руководствоваться большим количеством сложных форм и правил. Причем, важное значение придавалось таким аспектам: кто именно дарит, что дарит, в какой форме, при каких обстоятельствах и т. п. В зависимости от набора этих факторов церемония поднесения даров в итоге могла, как увенчать достигнутое соглашение, так и стать причиной конфликта². Как подчеркивал Арон Гуревич, ценность имел не сам по себе предмет, передававшийся из рук в руки, а те лица, в обладании которых он оказывался, и самый акт передачи ими имущества³. Сложность и неоднозначность этой символической культуры проявлялись еще и в том, что правила не были письменно зафиксированы, однако они понимались на интуитивном уровне, и неисполнение этих правил могло повлечь за собой серьезные последствия разного рода.

Обмен дарами выполнял существенную роль в средневековом обществе, регулируя как межличностное взаимодействие, так и отношения между группами.

¹ Мосс М. Очерк о даре // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996. С. 150.

² Далековский З. Вручение даров или уплата дани: польские князья при императорском дворе (XI–XII в.) // На языке даров: Правила символической коммуникации в Европе 1000–1700 гг.: тез. докл. междунар. науч. конф. (19–20 октября 2011). М., 2011. С. 18.

³ Гуревич А. Я. Избранные труды: В 2 т. Т. 1: Древние германцы. Викинги. СПб., 1999. С. 230.

В «Хронике Монтекассино», которая была составлена в XII в., вероятнее всего тремя монахами монастыря — Львом Остийским (1046(?)–1115), Петром Диаконом (род. около 1107 или 1110 г.) и его учителем Гвидо (?)¹, отражены все важнейшие события как политической, так и духовной жизни с 530 по 1138 г., описывается также практика дарения. Еще в прологе Лев Остийский пишет, что должен «тщательно изучить грамоты императоров, герцогов и князей, а также других верующих и выяснить, от кого и каким образом нашему монастырю достались владения и церкви»², чтобы составить эту хронику. Однако это не всегда было возможно, так как иногда дарственные сгорали³. Из-за того, что порой было невозможно установить принадлежность имущества, затевались различные тяжбы, возникали ссоры. С большой долей вероятности можно предположить, что одной из целей написания хроники было намерение подтвердить права монастыря на подаренное ранее.

Как сказано в хронике, в 1022 г. император Священной Римской империи Генрих II (1014–1024; король с 1002 г.) прибыл в Монтекассино⁴. Именно в этот раз Генрих преподнес много дорогих даров обители. Поводом для такого щедрого деяния послужило чудесное выздоровление императора благодаря блаженному Бенедикту, покровителю монастыря. Поскольку Генрих сомневался, что тело святого покоится именно в Монтекассино, тот явился ему во сне и в доказательство того, что император был не прав, исцелил его от долго мучившего недуга (сильная боль в животе)⁵. Как отмечает Юлия Арнаутова, средневековые христиане, сами того не осознавая, облекают свое общение с сакральным в привычные архетипические формы⁶. Здесь как раз описан такой случай, когда дар (исцеление Бенедиктом) потребовало отдара (материальные пожертвования императора), однако о равноценности ответного дара говорить не приходится.

Наиболее социально значимым чудом были исцеления⁷, которые могли помочь в распространении славы монастыря и вследствие этого привлекать паломников, желавших преподнести дары Монтекассино в надежде вернуть,

¹ Однако до наших дней текст Гвидо сохранился в редакции Петра Диакона. Hoffmann H. Studien zur Chronik von Montecassino // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1973. Bd. 29. S. 147.

² Лев Марсиканский, Петр Диакон. Хроника Монтекассино: в 4-х книгах / пер. с лат. и комм. И. В. Дьяконова; под ред. И. А. Настенко. М., 2015. С. 12.

³ Там же. С. 49.

⁴ Там же. С. 96.

⁵ Там же.

⁶ Арнаутова Ю.Е. Чудесные исцеления святыми и «народная религиозность» в Средние века // Одиссей. Человек в истории. М., 1995. С. 164.

⁷ Там же. С. 155.

к примеру, утраченное здоровье. Пол Хайэмс отмечает, что в средневековье, в мире культа соревнующихся между собой святых, каждое место захоронения их останков стремилось превзойти своих соперников в деле привлечения пожертвователей¹. Также важен и статус дарящего — это не просто паломник, а император. Более того, согласно Грэхэму Лауду, традиция написания исторических сочинений в Монтекассино была в большей степени пропагандистской, нежели объективной, поскольку имела целью скрыть интересы монастыря².

Итак, император пожертвовал Монтекассинской обители евангелие, с одной стороны покрытое золотом и драгоценными камнями, зеленую ризу³, украшенную золотой каймой, белоснежный плювиал⁴, серебряный бокал немалой величины и т. д. Среди прочего Генрих подарил большую чашу, которую Теодорих⁵ некогда прислал монастырю, однако оказывается, что эта же самая чаша, которую король саксов отправил в Монтекассино, будет подарена несколько позднее и Готфридом, графом Сесса-Аврунки, в то время, когда настоятелем монастыря был Николай I (1126–1127)⁶. Уже одно это позволяет сомневаться в самом факте дарения Генриха.

Как показал Герберт Блох в своем труде «Монтекассино в Средние века»⁷, в действительности Генрих Святой не мог на следующий день после своего исцеления пожертвовать монастырю такие дары. Во-первых, описанные подарки были под залогом, во-вторых, в это время император находился в военной кампании и поэтому маловероятно, чтобы такое имущество было при нем. Скорее всего, Лев Остийский воспроизвел список даров по известному ему источнику. Более того, главной целью его военного похода являлось наказание Монтекассино, по этой причине Генрих с армией в 20 тысяч человек собирался выступить против монастыря. В хронике лишь сообщается о желании императора разыскать сбежавшего аббата Атенульфа вместе с его братом Пандульфом, князем Капуи, который был тайным сторонником константинопольского императора Василия II (976–1025) и даже отослал тому золотые ключи в знак своего подчинения. Таким образом, ломбардские князья и аббат Монтекассино подчинились Византии. Желая покончить с влиянием Византии в Италии, Генрих отправился

¹ Хайэмс П. Странный случай с Томасом из Элдерсфилда // Одиссей. Человек в истории. М., 1994. С. 161.

² Loud G. A. Abbat Desiderius of Montecassino and the Gregorian Papacy // The Journal of Ecclesiastical History. 1979. Vol. 30. P. 326.

³ Риза – облачение священника для богослужения.

⁴ Плювиал – литургическое облачение священника.

⁵ Теодорих (ок. 451–526) – король остготов.

⁶ Op. cit. С. 292.

⁷ Bloch H. Monte Cassino in the Middle Ages. Cambridge, 1986. P. 19.

осенью 1021 г. в военный поход, результатом которого явилось пленение и низложение Пандульфа Капуанского, а настоятель монастыря сбежал¹.

Как утверждается в хронике, после столь щедрых пожертвований Генрих II попросил папу составить грамоту от его имени с угрозой папской анафемы тому, кто посмеет отобрать что-либо из пожертвованного императором. По утверждению Льва Остийского, сам папа римский Бенедикт VIII (1012–1024) поздравил Генриха с исцелением и пожертвовал прекраснейшую ризу лазоревго цвета, украшенную золотой каймой, красивейшую столу² с золотой вышивкой и сшитый орарь³. Здесь следует подчеркнуть, что информацию об этом чуде хронист черпал из сочинения Амата⁴, в котором ничего не сказано о пожертвованиях папы римского⁵. А в грамоте римского понтифика нет упоминания о чудесном выздоровлении императора. Вероятно, Лев Остийский соотнес это со временем пребывания Генриха и Бенедикта в Монтекассино.

Необходимо также отметить и следующий момент в хронике, связанный с дарами папы римского. В одной из редакций значится также: «соревнуйся с императором в щедрости»⁶. Здесь стоит особо выделить мотив, благодаря которому было сделано пожертвование, — это соревновательность. Еще Марсель Мосс подчеркивал, что в основе многих даров лежит соперничество — чьи приношения будут более богатыми, роскошными и т. п.⁷ В процессе дарения и одаривания сплошь и рядом присутствовали элементы соревновательности, поскольку дары выражали собственные черты участников обмена, такие, скажем, как ранг одариваемого⁸. И в рассматриваемом эпизоде стоит, пожалуй, отметить, что этот мотив соревновательности исходит не от непосредственных участников дарственных отношений, а от третьего лица, который вовлекается в эту практику.

Вероятно, в данном случае можно усмотреть частичное нарушение принципа *do ut des*, поскольку Генрих таким способом проявляет благодарность, а не

¹ Бульст-Тиле М. Л., Йордан К., Флекенштейн Й. Священная Римская империя. Эпоха становления / пер. с нем. Дробинской К. Л., Неборской Л. Н.; под ред. Ермаченко И. О. СПб., 2008. С. 172.

² Стола — элемент литургического облачения клирика (лента 5–10 см в ширину и около 2 м в длину).

³ Лев Марсиканский, Петр Диакон. Хроника Монтекассино... С. 97.

⁴ Монах Агат из Монтекассино.

⁵ Papstregesten 911–1024 / hrsg. N. Zimmermann. Wien; Köln; Weimar, 1998. S. 371.

⁶ Лев Марсиканский, Петр Диакон. Хроника Монтекассино... С. 412.

⁷ Мосс М. Указ соч. С. 162.

⁸ На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг. / отв. ред. Г. Альтхоф и М. А. Бойцов. М., 2016. С. 10.

надеется получить еще какую-либо милость свыше. Кроме того, даже своими дарами блаженному Бенедикту император не в полной мере может возместить свое чудесное исцеление, так как дар, принесенный Генрихом в виде сокровищ, не равноценен избавлению от долго мучившей его болезни. Людские подношения Богу представляют собой лишь слабую попытку выразить благодарность без какого бы то ни было намека на вступление в агональные отношения, столь важные для концепции Мосса¹.

Цель Генриха II, который действительно преподнес дары (но позже, чем об этом говорится в хронике), заключалась, возможно, в том, чтобы найти себе политического союзника. Лев Остийский, который соотнес список даров непосредственно с самим чудом, таким образом, вероятно, стремился еще раз подчеркнуть, что пожертвования Монтекассино – дело исключительно богоугодное. Автор хроники сознательно умалчивает о том, что Генрих хотел покарать Монтекассино, и вопреки историческим фактам желал обратить внимание на то, что и папа, и император чрезвычайно любили монастырь.

¹ На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг. / перевод. Г. Альтхф и М. А. БйцѳМ., 2016. С. 256.